

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-7



РЕГИМАНТАС АДОМАЙТИС,  
КИНО, ОДЕССА...

МЕРИЛ  
СТРИП:  
ВОЗРАСТ ЕЙ  
К ЛИЦУ

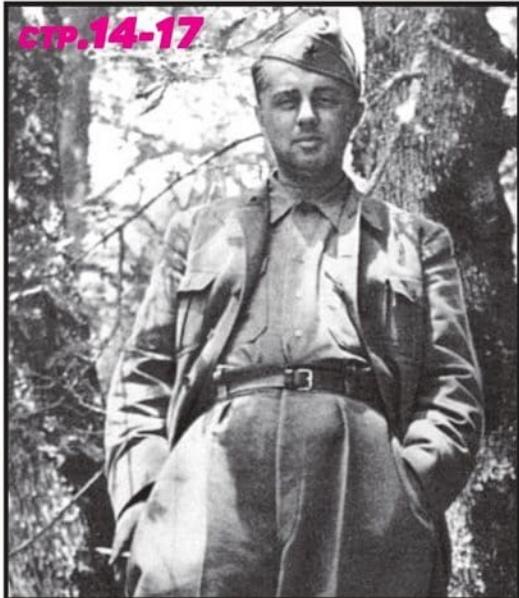
стр. 8



№25 (106)  
ИЮНЬ 2022

# Бульварные новости

стр. 14-17



ДИКТАТОР  
С ЧУВСТВОМ  
ЮМОРА

МЕЖДУ БЕРИНГОВЫМ ПРОЛИВОМ  
И БЕРКЛИ, ДЖОРДЖЕМ

стр. 4-5

стр. 10-11



ДОБРО СИЛЬНЕЕ

# ДОБРО СИЛЬНЕЕ

**Людмила Куликова — прозаик, искусствовед, литературный переводчик, руководитель Молдавского отделения Союза писателей Северной Америки.**



1980-е годы.  
Во дворе  
усадьбы  
Чиляева

## Геннадий Норд

— Давайте начнем плясать, как говорят, от печки. С рождения...

— Родилась в Чапаевске, небольшом волжском городе под Самарой. Это город номерных заводов, в годы войны днем и ночью работавших на оборонную промышленность. Почти каждую ночь здесь устраивались диверсии. Люди уходили на смену, как на поля боя и возвращались как с поля боя, с той лишь разницей, что невидимая линия фронта была у проходной, где гремел взрыв как раз во время пересмены, и гибли те, кто закончил смену и не успели к ней приступить.

— Что больше всего запомнилось из раннего детства?

— Раннее детство прошло в большом деревянном доме. Запомнились зимы — крепкие морозы, снежные сугарья. Печь-голландку бабушка топила с шести часов утра дровами. Но однажды утром меня позвала во двор тётя, моя крестная мама — Лилия. Она сказала:

— Идём скорее во двор, брикет привезли.

Я не знала, что такое брикет. Оказалось, это маленькие кирпичики для отопления. Они горели ровным красивым пламенем.

А еще запомнился старьевщик, который проезжал на лошади по вымощенной бульварником улице. Его зычный голос слышался по всей округе:

— Стак-а-арые в-е-е-ши!

И мы, девочка, с радостью давали ему то, что сейчас называется «сконд хэнд». Впрочем, не всегда. Как-то, увлеченные акцией, мы с подружкой унесли новые платья. Получи-

С Владимировичем Леонтьевым



ли возделанные награды — свистульки в виде птичек и аналогичные от родителей.

— Долго жили в Чапаевске?

— Мне было десять лет, когда семья переехала на Северный Кавказ, в Пятигорск. Переезд был связан с профессией родителей: мама была инженером-нефтяником, отец — строителем.

Так после нефтяных вышек в мою жизнь и сердце вошли «синие горы Кавказа». В Пятигорске я закончила школу, здесь прошло мое становление.

— А после школы?

— После школы — пошла получать высшее образование. Закончив филологический факультет, начала работать в музее «Домик Лермонтова».

В 80-е годы прошлого века музей был центром культурной жизни Пятигорска, города, прославившегося целебными источниками, описанного Лермонтовым в романе «Герой нашего времени» и ставшего его последним приютом.

В «Домике Лермонтова» бывали многие знаменитости: Андrey Дементьев, и Джани Родари, и Ираклий Андроников и многие-многие другие.

Один из них, скульптор Михаил Аникишин, сыграл ключевую роль в моей профессиональной судьбе.

— Об этом, если можно, чуть позже. А пока расскажите про музеи.

— Через пару лет я перешла работать в Картичную галерею при краеведческом музее. На третьем этаже старинного здания, где раньше размещалась Казенная гостиница. Старинная лестница с литыми ступенями вела на третий этаж, где находились два зала — постоянная экспозиция с полотнами русских и зарубежных художников. Там сохранились даже две парсоны! Малый зал был предназначен для сменных экспозиций. Местное отделение Союза Художников открывалось здесь ежегодно Осенние и Весенние салоны.

Раз в год приезжали «гастролеры» и привозили для зрителей и гостей куратора выставки художников Москвы, Ленинграда и других городов.

— С кем-то из них подружились?

— Как-то приехал в свой родной город художник Олег Вуколов. В то время он жил уже в Москве, был известным художником. По каким-то причинам его персональная выставка в нашей галерее не состоялась, но уже на следующий год я поехала на его выставку в Москву. Она открылась на Кузнецком мосту. Народу было очень много — коллеги со всей страны, и вообще много известных людей: актеры, космонавты. Олег Вуколов был очень общительным.

После открытия выставки мы поехали на подмосковную дачу, которая принадлежала Бакуловым. Жена Вуколова — искусствовед Марина Бакурова, дочь известного врача. Нас



вёз Александр Кайдановский на своих «Жигулях». В то время он учился на режиссерских курсах, и в Москве его называли не иначе, как Саша-стalker, после прошедшего недавно одноименного фильма Тарковского.

— Как складывалась работа в музее?

— Это было время официального соцреализма. Существовал Художественный фонд, своего рода материальная база художников. Были заказы. В курортном городе санаторий мог заказать портрет именного врача или передовика производства. Признанным мастером портрета был Владимир Леонтьев. Находились критики из среды своих же художников, упрекавшие мастера в старомодности, пристрастили к тёмной палитре. Но на каждый живописец владел таким крепким рисунком, мог так передать характер, мастерски написать руки.

Местных пятигорских живописцев вдохновляли горы. Состояние в горах быстро меняется, и, чтобы его ухватить, нужно почувствовать горы, их душу. На пике своей известности как пейзажиста был Павел Гречишник. Он жил в Ставрополе. Пленэрный пейзаж был его стиль. Работал много и плодотворно. Его мастерская была уставлена полотнами от пола до потолка.

— А как обстояло дело с завистниками, с творческой завистью?

— Это существовало в креативной среде всегда. Находились такие, кто не скрывал своего, с их же слов, «тихого презрения» к Гречишнику.

Я уж жила в Молдавии, когда узнала о смерти Гречишника. Это произошло в 2009 году. Сейчас его картины — одни из самых покупаемых и дорогостоящих на Ставрополье. И не только.

— Вы хотели рассказать про то, какую роль в вашей жизни сыграли Аникишины.

— Знаменательным событием стал приезд в Пятигорск скульптора Михаила Константиновича Аникишина. Он был легендой при жизни. А в наш город приехал на открытие памятника Пушкину, который создал.

В сквере возле здания Ресторации, где останавливались и Лермонтов, и Толстой, и Пушкин, был установлен аникушинский бюст Пушкина. Неподалеку — оенгисканская скамья.

Аникишин был прост в общении, очень живой, энергичный, доброжелательный.

После открытия памятника мы общались в тестом склоне пятигорской интеллигенции. Михаил Константинович рассказывал о своем поступлении в Академию, о том, как он поте-

рял документы при поступлении в Ленинграде (родился скульптор в Москве).

Узнав, что я занимаюсь организацией выставок, предложил поступать в Академию Художеств.

— Приняли предложение?

— Да, но поступила только со второго раза. Как оказалось, это норма для данного учебного заведения.

Сейчас Петербург невозможно представить без Аникушинского Пушкина. Мы были со скульптором на площади Искусств. Было интересно наблюдать, как автор памятника, живой классик деловито обшёлся вокруг монумента, по-хозяйски оглядывая и оценивая свою работу.

Бывала несколко раз в его мастерской на Песочной набережной. Жила жила на Черной речке, а оттуда до Песочной набережной было совсем недалеко. Двухэтажное здание, просторный холл на первом этаже с блестящим чёрным роялем.

А наверху — сам храм искусства. Здесь же и мешки с гипсом, подъёмник, тележки. Много скульптур. В то время Аникушин работал над памятником Антону Чехову. Фигура была высокая. Чтобы поработать резцом, по-править детали, всматриваясь метким, склегка присущенным взглядом, Михаил Константинович поднимался на лестницу.

— Ух и длинный же был Антон Павлович, два метра ростом, — говорил он, улыбаясь.

Работал с памятником долго. Монумент Чехова был установлен уже после его смерти, в родном городе скульптора Москве.

— Что-то от встреч с Аникушиным осталось у вас на память?

— Мне перед моим отъездом Михаил Константинович подарил бюст Чехова. На задней стенке основания памятной надпись: «Людею М.К.». Бюст ещё сырый был. Я тщательно упаковала его — все-таки везти в самолёт до Минеральных Вод.

Недавно в кишиневском аэропорту задержали скрипачку, гражданку Молдавии с цепкой скрипкой. А вдруг Страдивари? И я вспомнила, как провозила бюст Чехова, подаренный знакомым скульптором нашего времени, с дарственной надписью на основании. А позже перевозила в Кишинев картины Владимира Александровича Леонтьевича, известного русского советского художника — портрет, пейзаж, натюрморт «Сирень», который я называю «сибирским Леонтьевичем в духе Кончаловского».

— А художники в вашей семье были?

— Художников в нашей семье не было. Если говорить по искусству, то о музыке. Бабушка прекрасно пела, прадед играл на скрипке, у него был абсолютный музыкальный слух, который унаследовал мой отец. В семье вспоминали, что, возвращаясь из кино, отец наигрывал на скрипке услышанную мелодию. Поступил в музыкальное училище в Самаре.

#### — А как же пристрастие к живописи?

— Живопись в семье любили, интересовались. Мое первое знакомство с изобразительным искусством началось с репродукций.

В доме бабушки над старинным комодом висели картины Маковского «Дети, бегущие от грозы», в летней комнате, которая называлась «чулан» — «Охотники на привал» В.Перова.

Мама купила большой зеленый альбом с картинами художников-передвижников. Я училась тогда в первом классе, уже умела читать. Перелистывала страницы, отделенные тонкой пергаментной бумагой и открывались взору и Левитан, и Шишкин, и Брюллов, и Репин.

Мы с сестрой даже играли в игры: открывали картинку, угадывали название и художника. Запомнила всё очень быстро.

А потом была художественная школа. Рисунок, лепка, живопись и даже история искусств.

#### — Как вам «жилось» в Академии Художеств?

— В 80-е годы Академии Художеств руководил Б.С.Угаров. Было обязательным наличие кафедры марксизма-ленинизма и марксистско-ленинской эстетики; а в учебную программу входил более чем обширный курс «Искусства народов СССР».

Под сводами академии нередко можно было встретить знаменитого Илью Глазунова, окруженного свитой учеников. Его имя тогда находилось на пике популярности. Творчество этого художника, обобденное вниманием профессиональных критиков, находило восторженные панегирии в среде дилетантов, обывателей. Впрочем, это не мешало ни тем, ни другим стекаться большим потоком на его персональную выставку, проходившую летом 1986 года в Манеже.

Одним из самых ярких преподавателей был А.Пунин. Он читал историю архитектуры русского модерна. Организовывал автобусные экскурсии по городу. Показывал нам не только знаменитую, скажем, Александро-Невскую Лавру, но и какой-нибудь скрытый петербургский дворик, где вдруг обнаруживалась уникальное здание, сочтавшее модерн, классицизм и ренессанс; или старый дом сталинской эпохи, где, оказывается, снимали фильм «Зимняя вишня».

#### — А как вы оказались в Молдове?

— После окончания Академии мы переехали жить из Пятигорска на родину мужа в Молдову. Это были 90-е, когда многие уезжали. В Кишинёве закрывались предприятия, проектные и научно-исследовательские институты. Выстраивались очереди за «дешевым» хлебом, была введена карточная система на продукты и товары народного потребления. Началась война в Приднестровье.

#### — Но творческая жизнь все-таки продолжалась?

— Художники поделились на «арьергады» и «авангард». К первым относились те, кто являлся собой, обобщенно говоря — фигуристическое искусство, ко вторым — те, кто считали себя представителями нового, свежего, доселе неведомого сверхавангардного направления. Появились группы «Зесе», «Фантом». А еще появился особый, национальный дух искусства. Хотя толком, что есть «национальное» искусство никто не знал. Ух, конечно, это не малчик в кашме. Это такая национальная шапка, которую носил Гугца.

#### — С работой было трудно?

— Мой муж, художник Ливу Хынку и Александр Прорис, его земляки, помогли мне устроиться на работу в Институт искусств. С трудом, потому что тогда я ещё не знала молдавского языка, которому был дан официальный статус государственного. В моей трудовой истории появилась запись «рабочий» — хотя по факту я преподавала историю искусств. Кадровик, из бывших военных, делая запись в моём «послужном списке», не то, оправдываясь, не то с укором заметил:

— Вы же понимаете, какое время...так что, даже вот с такими дипломами...

Впрочем, желающих слушать историю искусства на русском языке было достаточно.

Параллельно читала английский язык в эстетическом лицее.

#### — А как оказались связанный с авиацией?

— Одна моя коллега предложила мне обратиться в Учебно-технический центр аэропор-



*Открытие памятника Пушкину. Пятигорск. 1981 г.*

та, где работал её муж-пилот и где требовался преподаватель радиосвязи на английском.

Так я оказалась причастной к гражданской авиации. Из гуманитарной сферы перешла в техническую. Как не вспомнить Игоря Северянина, который так яро высказался о своём периоде учёбы в реальном училище:

Я алгебра и геометрия,

Ха! Это я-то, соловей!

Наш учебный центр относился тогда к компании «Эйр Молдова». Преподаватели технических предметов были сильные. Про бывшего летчика Василия Дмитриевича Миранова говорили, что он на аэродинамике собаку съел.

В центре приезжали переучиваться на другие типы самолетов из Одессы, Москвы, других городов. Вначале мне всё казалось необычным, а знакомый английский оказался каким-то птичьим языком, где, кстати, фраза «сквоюин» является имитацией птичьего крика, а означает установку транспондера на борту, а слово «аргоп» — вовсе не фартук, а перрон.

Но потом всё вошло в своё русло. Пару раз в качестве стажировок я летала на Кипр, в Гаврик. Прослушивала в пилютской кабине радиосвязь. В общем, в теории — одно, всё строго, сухо и по нормативам, а «древо жизни» сильно отличалось.

Позже, уже летая в качестве пассажира, я отчётливо представляла все фазы полёта, начиная с проверки радиосвязи, вырываивания на исполнительный старт и заканчивая посадкой.

#### — Ну, а как вы относитесь к хобби?

— Иногда говорят, что искусствовед — это не состоявшийся художник. Может быть, и так. Хотя можно сочетать и теорию, и практику.

Наверное, занятия живописью можно считать моим хобби. Люблю работать пастелью. Удивительная техника. Формально её относят к графике. В художественной среде есть пение «живописная графика» — это о пастели.

Первое впечатление о пастели я получила, когда увидела миниатюрную работу Куинджи «Вид на Эльбрус» в кисловодском музее им. Ярошенко. Нас, школьников, туда привезли на экскурсию. Дувгалий красавец просто сиял на крохотном кусочке картона под стеклом. Казалось бы, лоскун синего неба и белые вершины — а сиял и впечатлял. Тогдашний директор музея, Секрощук говорил себе полуслухом, полусердцем:

— Я богатый человек: у меня есть, например, маленький Куинджи.

И был прав.

Расписываю подносы. Теоретически знаю хостессовскую технику. Но мне по душе стиль «Малахов» — это свобода.

Занимаясь коллажем. «Вырезаю» патримонии из страниц глянцевого «Космополитена». Почти гесусы процесс. Дарю друзьям. Конечно, они знают «из какого сора» расстут мои яблоки и розы, но им нравится, они радуются.

#### — Вам нравится доставлять людям радость?

— Доставлять радость людям — это значит, не относиться к ним равнодушно. Может, даже «делать добро» и «доставлять радость» — синонимы.

Конечно, доставляя радость, ты и сам получаешь положительные эмоции.

Года три назад, еще до ковида, в венгерском посольстве организовали благотворительную выставку. Средства предназначались для онкобольных. Я дала две работы — смешные коты в смешанной технике. Купили только их. Может быть, потому, что я этого очень хотела.

#### — Что, по-вашему, добро?

— Добрь? Я часто об этом задумываюсь.

Знаменитости, которые создают благотворительные фонды — люди с добрыми сердцами. Они не пиарятся, а просто делают добро для тех, кто нуждается, кто пережил горе. Их немало и пока они есть, добро будет жить.

Я восхищаюсь сестрами милосердия, которые в основном были девицами и вдовами благородного происхождения. Эти аристократки выхаживали раненых в госпиталях.

Сейчас, когда многие, будущи из грязи, рвутся в кириз, полезно вспомнить историю и тех, кто, будучи из «князей», не боялись ни крови, ни гнойных ран, ни тягот труда.

#### — А как вы относитесь к работе?

— Работа — это жизнь. Человек пока может, должен работать.

Когда наш учебный авиационный центр закрыли, я стала фрилансером, то есть писала тексты на заказ.

Моим первым заказчиком стал американец Брент. У него был сайт, посвященный редким языкам, к числу которых он относил, например, французский канадский и почему-то русский тоже.

Моя первая статья называлась «Десять причин выучить русский язык». Писала на английском. Начала с того, что русский язык, конечно, не из лёгких, но по сравнению с японским, например...

#### — О чём еще писали?

— Писала о живописи, дизайне, модных демисезонных пальто, истории оxfordских туфель.



Один американский винодел заказал мне тексты о винах. Тогда я узнала разницу между мерло и его сортом совиньоном, и почему первый подвержен серой плесени. В общем, стала виртуальным винным дегустатором-экспертом.

Но лучшим заказчиком стал москвич Олег. Он был щедрым, после принятия тестового задания не придирился, а тема искусства и дизайн была мне близка, чем породы бельгийских овчарок и недвижимость в Германии.

— Вы ведь еще занимаетесь литературными переводами?

— Работала в Учебном авиационном центре, я переводила много документов, касающихся правил полетов и прочего. Сплошная проза с присущим авиационному толкаем.

А переводил позицию начала неожиданно для самой себя. Случилось это в Брюсселе на Фестивале, организованном Евразийской Гильдией. В зале презентации я познакомилась с Сагын Беркинайевой. Она подарила мне книгу своих стихов на киргизском с подсочками. Мы пообщались.

Устав от многочисленных презентаций, я погрузилась в чтение её стихов и, пользуясь подстручником, написала перевод. Прощел год. Перебирая бумаги в письменном столе, наткнулась на этот перевод, показала Сагын. Ей понравилось. Да и мне самой понравилось. Решила опубликовать, получила много положительных отзывов. Потом еще перевела целиком стихов непальского поэта Сантоша.

Сейчас перевожу сонеты Шекспира, которые увлекались еще в юности.

У меня есть книжка сонетов, изданная в Англии. Ее прислал мне английский друг Роджер из Шеффилда. Он проиграл мне пари по поводу того, какая команда победит в футбольном матче. Я — выиграла. Я вовсе не фанат футбола, и уже не помню, какие команды участвовали. Но Пушкин высыпал не пришлась, зато я получила «Уильяма нашего Шекспира».

А еще мой друг прислал мне диск «Третьяковская галерея» с текстом на английском. Так виртуальная дружба, а мы познакомились в соцсетях, перешла в реальную. Я ему потом альбом о молдавском художнике выпустила и коня «Квінт» — это такой тиранспольский бранд.

А какой смысл высыпать ему Пушкина, если он по-русски не разумеет?

#### — Расскажите о своих планах.

— У меня есть три книги, которые хочу издать. Много текстов.

Хочу написать об архитекторе Александре Бернардации, который строил в Кишинёве, художнике Михаиле Ларионове, который родом из Тирасполя.

Перевела двадцать семь шекспировских сонетов. Увлекает. Буду продолжать. Вдруг переведу и оставшиеся сто двадцать семь?

Осенью в издательстве «Снег» вышла моя книга «История маленького города». Она связана с историей Пятигорска, с Лермонтовым.

Уже несколько лет читаю лекции под рубрикой «История искусств по выходным» в кишиневской арт-студии «Ренессанс». Идея родилась совместно с руководителем студии, талантливым художником-педагогом Сергеем Гуду. Мы встретились в кафе и обсудили план действий. Был март, традиционный женский месяц. Мы решили попугаивать женщинское творчество. Я начала с эпохи Ренессанса. Публика была удивлена, что, оказывается, в ту давнюю эпоху была женщина-скульптор Проперция де Росси. Даже получила первый муниципальный заказ. Правда, исключительно благодаря своему влиятельному супругу-адвокату. Гендерная дискриминация в ту пору цвела пышным цветом.

Затем последовала целый цикл лекций о художественных стилях и направлениях. Прятались факт, что есть люди, которых это интересует. Они находят время, приходят, слушают. Причем, разных возрастов и профессий. Когда я рассказывала о каком-то эпохе, её слушатели, художники, мещанатах, мне кажется, я проживала несколько жизней. Интерес слушателей — награда дорогая.

В общем, у меня куча идей, планов, дел, фильмов, которые хочу посмотреть, книги, которые хочу прочитать, места, которые хочу увидеть. Надеюсь, большую часть из этого реестра успею сделать до той поры, когда сама о себе уже ничего сказать не могу.

#### — А как же возраст?

— Возраст — это в голове. Я знаю возрастных людей, полных энергии и сил, в их глазах — искрики. И знаю молодых с потухшим взором.

Считаю, что главное — жить позитивно, вить добро. Добро — оно все равно сильнее. Верю в бумеранг. Добро всегда возвращается!